

Первый тихо сидел в ванне, покорно позволяя воспитателю массировать макушку. С каждым движением пальцев по коже разливалось странное, неведомое прежде чувство: оно зарождалось где-то в районе копчика, медленно поднималось вверх вдоль позвоночника и, наконец, достигло головы, отзывавшись приятным, тягучим онемением.

Малыш не удержался и с блаженством прикрыл глаза.

Это был совершенно новый, потрясающий опыт. Он никогда прежде не чувствовал ничего подобного и даже среди других детенышей в приюте не видел ни одного, кто удостоился бы столь трепетной и искренней заботы со стороны персонала.

Впрочем, возможно, остальным малышам такая забота была и вовсе не нужна.

В приюте для детенышей воспитатели никогда не пользовались любовью. Отношения между ними и подопечными были далеки от дружеских: в моменты вспышек ярости малыши нередко причиняли воспитателям вред, из-за чего те редко задерживались на своих местах надолго.

Раньше Первый был совершенно равнодушен к этому. Его не волновало, кто приходит и кто уходит, но теперь...

Теперь ему очень нравился этот новый воспитатель.

Рядом с ним было удивительно спокойно и уютно. Малыш всем сердцем желал, чтобы этот человек остался, чтобы он не стал одним из тех, кто однажды просто исчезнет.

В этот момент ладони, покрытые густой белой пеной, начали медленно скользить вниз по голове. Гибкие, сильные пальцы коснулись щек, осторожно помассировали их, а затем плавно спустились к хрупкой, незащитной шее.

Спина Первого мгновенно напряглась, и он неосознанно распахнул глаза.

Перед ним предстало красивое, одухотворенное лицо юноши.

Кожа была необычайно светлой и в лучах света отливала благородным блеском, словно чистейший нефрит. Длинные, черные, как вороньи крылья, ресницы слегка опустились, а взгляд оставался легким и безмятежным – казалось, в этом мире просто не существует ничего, способного вывести его из равновесия.

Первый ошеломленно смотрел на него, ощущая исходящую от юноши ауру, которая казалась такой родной, теплой и приятной. Постепенно напряжение ушло, и он снова расслабился.

Он замер, словно маленький котенок, которого аккуратно взяли за загривок: послушный, тихий, он испытывал к стоящему перед ним воспитателю какое-то необъяснимое, почти инстинктивное доверие.

Где-то в самой глубине души словно звучал тихий голос, неустанно твердивший Первому, что этому человеку можно верить, что он никогда не причинит ему вреда.

Вскоре ладонь воспитателя покинула шею и переместилась на спину, с умеренной силой растирая кожу, чтобы смыть въевшуюся за долгое время грязь.

– Ноги помой сам, – мягко сказал воспитатель.

Первый послушно опустил голову. На поверхности воды в ванне плавали белоснежные пузырьки пены, а сама вода, прежде кристально прозрачная, стала мутной, но сквозь нее он все же мог смутно разглядеть грязные ступни.

Хотя их уже успели сполоснуть один раз, на коже все еще отчетливо виднелись темные, почти черные пятна.

Личико Первого слегка покраснело от смущения. Он поспешно протянул маленькие ручки, обхватил ступню и с величайшим старанием принялся оттирать остатки грязи.

Вскоре грязные ножки обрели естественный, нежный и светлый оттенок.

Малыш поднял голову и посмотрел на Су Цы широко распахнутыми глазами, с нескрываемой надеждой ожидая похвалы.

Су Цы взглянул на результат его усердия и одобрительно, ласково похлопал по голове.

Малыш, впервые в жизни получивший такую похвалу, от удивления слегка расширил глаза. В его черно-красных зрачках вспыхнул крошечный огонек, который с каждой секундой становился все ярче и живее.

Первый немного пригнул голову и украдкой, осторожно коснулся макушки.

- Буль-буль...

Су Цы взял лейку душа, и мощный поток теплой воды снова обрушился вниз, окончательно смывая пену с тела ребенка. Затем он сменил воду на абсолютно чистую и вымыл его еще раз, чтобы убедиться в идеальной чистоте.

Первый снова склонил голову и принялся с невероятным рвением тереть ступни, не пропуская даже крошечные частицы грязи, забившиеся под ногти.

Он был настолько увлечен процессом, что совершенно не заметил, как ладонь Су Цы, легко касавшаяся его тела, вдруг засветилась мягким, едва уловимым золотым светом. Это сияние медленно оседало на коже и проникало глубоко внутрь, в самые ткани.

Первый ничего этого не чувствовал. Ему было просто очень приятно находиться в теплой воде; все тело наполнилось уютным теплом, а ледяная, изнуряющая боль, терзавшая его день и ночь, в этот миг наконец отступила.

Вероятно, от нахлынувшего чувства комфорта и безопасности веки стали тяжелеть. Постепенно голова ребенка склонилась, и он начал медленно заваливаться в сторону, в ванну.

В тот самый момент, когда он чуть не ударился, тонкая бледная ладонь юноши уверенно и

вовремя подхватила его голову.

Су Цы молча смотрел на уснувшего ребенка, который теперь доверчиво прислонился к его руке. Золотое сияние на ладони погасло, а духовная энергия, окутывавшая ее, полностью вернулась в тело.

Однако нахмуренные брови юноши так и не разгладились.

Он только что внимательно осмотрел ребенка: малыш не только страдал от тяжелого недоедания, но и имел множество серьезных внутренних повреждений, а также был истощен воздействием крайне искаженной, густой негативной энергии.

Такая негативная энергия...

В памяти всплыл образ зловещего, удушливого красного тумана и глухой, надрывный стон самой земли. Су Цы нахмурился еще сильнее, хотя его руки продолжали действовать уверенно и аккуратно.

Когда он наконец отмыл ребенка с головы до самых кончиков пальцев и вынес из ванны, его собственная одежда уже насквозь промокла.

Су Цы по привычке хотел было стереть воду с них обоих, но, почувствовав, что запаса духовной энергии в теле осталось совсем немного, вовремя остановился.

Он подошел с ребенком на руках к шкафу и открыл дверцу. Внутри были аккуратно разложены предметы первой необходимости, оставшиеся, по всей видимости, от предыдущего воспитателя.

Он достал чистое, пушистое банное полотенце, бережно завернул в него малыша и направился в сушильную комнату.

Спустя три минуты, когда они вышли обратно, оба были совершенно сухими, разве что чистая кожа слегка покраснела от приятного тепла.

Су Цы босиком ступал по теплому, гладкому полу, неся ребенка в спальню.

Хотя люди этой эпохи были не слишком разборчивы в еде, в остальном они обустроили быт довольно неплохо и функционально.

Су Цы слегка хлопнул по стене, и сенсорные лампы на потолке спальни автоматически погасли. Остался лишь маленький ночник у самого изголовья, излучавший мягкий, приглушенный свет в полумраке комнаты.

Покопавшись немного в пространственной пуговице, он достал чистую рубашку, небрежно, но аккуратно натянул ее на ребенка и уложил под теплое одеяло.

Малыш крепко спал, и из-под одеяла теперь виднелась только маленькая головка.

Коротко подстриженные волосы слегка отливали желтизной, но теперь стали пушистыми и мягкими. После купания открылась естественная, нежно-белая кожа, которая теперь мягко светилась в приглушенном свете лампы.

Су Цы не удержался и еще раз погладил по макушке – ощущения оказались весьма приятными и успокаивающими.

- Так-то гораздо лучше, - тихо прошептал он.

Устроив малыша поудобнее, Су Цы поднялся, покинул спальню и снова подошел к окну, резким, уверенным движением раздвинув тяжелые шторы.

Кровавая луна за окном была почти полностью скрыта густыми красными облаками. На ограде приюта для детенышей были закреплены мощные фонари, излучавшие яркий свет, которого вполне хватало, чтобы видеть все вокруг даже без лунного сияния.

Су Цы смотрел на мрачный пейзаж снаружи, и его фигура начала постепенно бледнеть и истончаться, становясь прозрачной. Когда он поднял руку и коснулся стены, то попросту

слился с ней, проходя сквозь материю.

В следующее мгновение он оказался во дворе между зданием приюта и оградой, где у окна комнаты №303 все еще стояла чья-то темная фигура.

Здание приюта и окружающая ограда были буквально усеяны камерами наблюдения, которые без единой слепой зоны строго охраняли это место. Однако, когда сенсорные лучи просканировали Су Цы, никакой реакции не последовало, и тревожная сирена не завывала.

Су Цы бросил короткий взгляд на камеру, затем отвел глаза и сосредоточился на тяжелых красных облаках в ночном небе.

С наступлением ночи концентрация загрязнителей в тумане на базе становилась значительно выше, чем днем – это было заметно даже без переключения зрения, хотя внутри зданий уровень оставался практически нулевым.

Словно некие невидимые правила жестко сдерживали его.

Су Цы протянул руку, и сгусток красного тумана послушно собрался вокруг ладони, плавно и лениво колыхаясь. Он закрыл глаза, внимательно прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Камеры наблюдения, казалось, зафиксировали локальное повышение концентрации тумана в этом районе, и сенсорные лучи непрерывно сканировали пространство, но так ничего и не обнаружили.

Спустя долгое время Су Цы открыл глаза и удивленно приподнял брови.

Это была духовная энергия.

Только вот она была безнадежно смешана с обидой, отчаянием, жестокостью и прочими негативными энергиями, из-за чего давно утратила первоначальный, чистый облик.

Такой красный туман, в отличие от мягкой и безвредной духовной энергии, обладал крайне агрессивными свойствами и активно стремился заразить все живое, что попадалось ему на пути.

Если практик попытается поглотить его напрямую, то, скорее всего, подвергнется тяжелому ментальному искажению и в конечном итоге полностью потеряет рассудок, впав в состояние безумной одержимости. Обычные же люди, долго находясь в таком тумане, будут пассивно вдыхать его, постепенно подвергаясь медленной коррозии и разрушению изнутри.

В этот момент красный туман, собранный Су Цы, начал самопроизвольно стягиваться к центру, постепенно образуя небольшую, плотную воронку.

Скорость вращения вихря нарастала, концентрация красного тумана беззвучно увеличивалась, и в мгновение ока он стал отчетливо виден невооруженным глазом.

– Пип! Пип!

Ближайшая камера наблюдения внезапно издала резкий сигнал тревоги.

Су Цы нахмурился и легким взмахом руки рассеял воронку из тумана. Сигнал тревоги тут же стих.

Вскоре из-за ограды послышались быстрые шаги, и на стене показалось несколько темных силуэтов.

Увидев темно-красную форму, почти сливающуюся с красным туманом, Су Цы вспомнил дневную встречу с Сюнь Сяюй и понял, что прибыл отряд оперативного отдела.

Это была группа из шести человек.

Трое остались на ограде для охраны периметра, а остальные трое, выстроившись в тактический треугольник, спрыгнули во двор и стремительно направились к месту, где только что была воронка, чтобы провести тщательный осмотр.

Су Цы стоял на месте, совершенно спокойно наблюдая, как они проходят мимо. Один из них внезапно обернулся и посмотрел прямо на него.

Под плотной маской скрывались острые, пронзительные глаза.

- Капитан Янь? - его товарищ окликнул командира, после чего они вместе с третьим бойцом собрались в группу, настороженно осматривая пустой, погруженный в туман двор.

Янь Пин долго и пристально смотрел в сторону Су Цы. В тот момент, когда Су Цы уже решил, что он окончательно разоблачен, капитан отвел взгляд и опустил поднятое оружие.

- Ничего, - покачал он головой. - Вы что-нибудь обнаружили?

- Все в норме.

- Кроме повышенной концентрации загрязнителей, других аномалий не выявлено.

Повышение концентрации загрязнителей ночью было явлением обычным, но чтобы это превышало пороговые значения и вызывало тревогу - такое случалось нечасто...

Янь Пин задумчиво прищурился:

- Понаблюдайте еще немного, не теряйте бдительности!

- Есть!

Оперативный отряд еще раз внимательно осмотрел двор и окрестности, но, так как никакой явной опасности не обнаружилось, в конце концов они удалились.

Су Цы все это время стоял на месте, лишь слегка отодвинувшись в сторону, когда бойцы были готовы задеть его.

Проводив взглядом их силуэты, исчезнувшие за оградой, он отвел глаза и направился к задней части здания приюта. Оглядевшись, он выбрал укромный, тихий уголок, где днем должно было быть достаточно солнечного света.

Он прикинул размеры рукой, слегка топнул ногой, и из земли мгновенно поднялся прозрачный духовный купол радиусом около метра, способный полностью изолировать его от любых любопытных взглядов.

Су Цы посмотрел вниз, и в его глубоких черных глазах мелькнуло холодное золотое сияние.

Он словно парил над землей, и по мере того, как в глазах вспыхивал золотой свет, он снова слегка коснулся носком стопы поверхности, словно ступая по воде, отчего по ней разошлись концентрические круги.

День.

Раздался отчетливый, звонкий звук, словно что-то треснуло. Твердая и ровная металлическая поверхность под куполом внезапно рассыпалась, обнажив под собой почву, которая отливала зловещим кроваво-красным цветом.

Золотое сияние в глазах Су Цы погасло. Его тело медленно опустилось, он прошел сквозь прозрачный купол, и ступни мягко коснулись обнаженной земли.

Как только подошвы коснулись почвы, он невольно нахмурился.

Присев, он осторожно, почти с нежностью погладил землю ладонью.

Сухая, спрессованная почва была практически лишена питательных веществ; казалось, она была насквозь пропитана красным туманом и отдавала мертвенным кровавым оттенком.

По сравнению с тем, какой живой и наполненной бесконечной энергией была эта земля до его погружения в глубокий сон, было просто невозможно поверить, что это одно и то же место.

Когда ладонь коснулась земли, Су Цы еще отчетливее ощутил глухой гнев и бесконечную печаль, исходящие от самой планеты. В глубине его глаз, помимо недоумения, промелькнула нотка искреннего сочувствия.

Он тихо вздохнул, и на ладони вспыхнул мягкий свет, который начал медленно вливаться в почву вместе с силой его духа.

Когда он убрал руку, мертвенная энергия и обида, копившиеся в этом клочке земли неведь сколько лет, наконец начали медленно рассеиваться.

Кроваво-красный оттенок отступил, спрессованная земля разрыхлилась, обнажив естественный буро-желтый цвет, местами даже переходящий в темный – сразу было видно, что почва стала весьма пригодной для посадки.

Однако брови Су Цы так и не разгладились.

Всего лишь капля в море.

Таким способом он не мог возродить целую планету. А ведь его собственная сила черпалась из земли, и ее увядание неизбежно сказывалось и на нем самом...

Су Цы поджал губы и медленно поднялся.

Юноша перевернул ладонь, и на бледной коже показалось несколько крошечных частиц порошка – это была пыльца, оставшаяся на носовом платке, который он ранее подарил Пятой.

Он слегка наклонил руку, и пыльца плавно опустилась вниз, впитываясь в землю у ног.

Эти несколько крупинок были до того малы, что, попав в почву, тут же исчезли из виду – невооруженным глазом их было уже невозможно различить.

Су Цы, впрочем, не придавал этому значения. Он пристально смотрел на землю под ногами, и его босые ступни, излучавшие нефритовое сияние, снова слегка коснулись поверхности. Вспыхнул бледно-золотистый свет, разошедшийся кругами, словно рябь по воде.

На этот раз он тихо, почти шепотом произнес слова, подобные легкому дуновению весеннего ветра:

– Земля, ты, что даруешь жизнь всему сущему...

Этот шепот, чистый и далекий, казалось, доносился из глубокой древности. Он нес в себе таинственную, неведомую силу, пробуждающую спящую почву.

В земле под духовным куполом замерцали крошечные, едва заметные огоньки.

Свет был крайне слабым, словно старая лампочка, случайно найденная в грудe хлама: даже под воздействием электрического разряда она могла лишь вспыхнуть в последний раз, прежде чем нить накаливания перегорала и свет бессильно угасал.

Земля снова затихла.

Почва, которая благодаря влитой духовной силе Су Цы на мгновение стала плодородной, вновь посерела и потемнела. К счастью, под защитой купола кроваво-красная мертвенная энергия не могла проникнуть внутрь.

Если за ней как следует ухаживать, возможно, еще оставался призрачный шанс на полное восстановление.

Су Цы наклонился, пошевелил пальцами в земле и вскоре извлек две черно-бурые крупинки.

Это были семена: каплевидные, полновесные, с идеально гладкой поверхностью – сразу было видно, что качество их отличное.

Глядя на них, Су Цы тихо вздохнул.

Столько пыльцы... Если бы это было в прошлом, разве после такого заклинания он получил бы всего две семечки?

В былые времена вся пыльца за несколько мгновений превратилась бы в семена, пустила глубокие корни, проросла в небольшую рощу, зацвела и принесла плоды – самые вкусные и сладкие, которые так и манили бы попробовать.

Не то что сейчас – жалкие две штуки.

Пока Су Цы предавался этим мыслям, земля под ногами словно стала еще тусклее, будто почувствовала его пренебрежение и окончательно замкнулась в себе.

Су Цы замер, а затем мягко похлопал ладонью по земле, словно утешая ее.

После этого он выкопал в почве небольшую ямку и бережно закопал в нее одно из семян.

Это было духовное семя, возвращенное им с помощью силы духа и энергии земли. Оно само по себе содержало мощный заряд жизненной силы: в процессе роста оно будет поглощать питательные вещества из почвы, но при этом возвращать ей духовную энергию.

Взаимодополнение, симбиоз, обоюдная выгода.

Конечно, заставить духовное семя прорасти в таких условиях – задача не из легких.

Су Цы никогда раньше не занимался земледелием. Он изо всех сил постарался вспомнить хоть что-то из доступных знаний, затем поднялся, вернулся в общежитие, набрал ведро воды и равномерно полил землю под куполом.

Высохшая почва, получив влагу, начала источать едва уловимый аромат радости, а спящее духовное семя, казалось, начало медленно пробуждаться.

Ощувив этот отклик, Су Цы почувствовал, что настроение наконец немного улучшилось.

Он достал из пространственной пуговицы банку консервов, съел содержимое, а вторую семечку бросил в пустую банку, насыпав туда немного земли. Только после этого, прихватив ведро, он вернулся в комнату.

Фигура, стоявшая у окна, вновь обрела осмысленный взгляд. В одной руке у него появилось ведро, а в другой – банка с землей.

Су Цы небрежно поставил банку на журнальный столик, а затем с ведром отправился в ванную, чтобы самому принять душ.

Когда он искал одежду для ребенка, то обнаружил в пространственной пуговице ящик, доверху набитый вещами самых разных фасонов.

Выбрав удобную пижаму и переодевшись, он неспешно подошел к двери спальни и заглянул внутрь.

Дыхание ребенка было ровным – он все еще крепко спал.

Су Цы вернулся в гостиную и сел на диван. Взглянув на коммуникатор на запястье, он о чем-то задумался, направил духовную энергию в пространственную пуговицу и вскоре извлек оттуда металлический шар, называемый оптическим компьютером.

Покрутив его в руках, он нажал на кнопку включения.

Металлический шар, до этого момента безжизненный, внезапно засветился, озарившись эффектной подсветкой, и завис в воздухе. Одновременно с этим из него спроецировался прозрачный световой экран.

Су Цы откинулся на спинку дивана.

Шар автоматически подстроился так, чтобы экран всегда находился прямо перед глазами.

- Пип! Распознавание лица успешно, оптический компьютер запускается.

- Запуск завершен, время выполнения - 3,22 секунды.

- Су Цы, добрый вечер. Я твой интеллектуальный помощник, Сяо Цю.

Голос у него был очень милый, детский, и совершенно невозможно было определить, мальчик это или девочка.

- Пип! Обнаружен сетевой сигнал, идет автоматическое подключение... Подключение успешно.

- Напоминание: данный сигнал находится под официальным наблюдением, пожалуйста, используйте его с осторожностью.

- Обнаружен сопряженный коммуникатор, идет подключение... Синхронизация данных коммуникатора... Синхронизация завершена.

После череды всплывших уведомлений оптический компьютер наконец затих.

Поскольку он был связан с коммуникатором, на экране автоматически открылся его интерфейс, и Су Цы с любопытством заглянул внутрь.

В списке чатов было немало диалогов. Самым верхним был групповой чат под названием «База 24». Там никто не писал, а последнее сообщение, датированное примерно шестью часами вечера, гласило:

[Вы были добавлены в группу пользователем «Административный отдел - Го Хуэй», ИИ базы изменил ваш ID на «Приют для детенышей - Су Цы (стажер)»].

Су Цы с интересом пролистал переписку выше и обнаружил, что еще до того, как его привели в

административный отдел для регистрации, Ши Ицзян отправил в чат сообщение, чтобы предупредить сотрудников отдела.

«Общаться таким образом довольно удобно», – подумал он.

Го Хуэй...

В памяти Су Цы всплыл образ женщины в очках с черной оправой, с волосами, уложенными в безупречно аккуратную прическу. На ее нагрудном бейдже, кажется, было написано именно это имя.

В этот момент в интерфейсе связи появилось уведомление.

[У вас новое сообщение].

Су Цы нажал на него, и открылось новое окно.

[«Медицинский отдел очищения – Гу Цинчэнь» хочет добавить вас в друзья – из группового чата «База 24»].

[Принять] [Отклонить]

Гу Цинчэнь?

Су Цы нажал «Принять», подтверждая запрос на добавление в друзья.

Стоило ему это сделать, как тут же открылось окно личного чата с Гу Цинчэнем. Аватаром собеседника был мультяшный человечек в очках с золотой оправой, который слегка склонил голову и указательным пальцем поправлял очки на переносице.

Медицинский отдел очищения – Гу Цинчэнь:

[Добрый вечер, воспитатель Су.]

[Я штатный врач медицинского отдела очищения, Гу Цинчэнь.]

Су Цы не умел печатать, но оптический компьютер поддерживал голосовой ввод.

Он ответил «Добрый вечер», а затем взглянул на свой аватар и обнаружил, что это длинношерстный кот с белоснежной шерстью и очень красивыми глазами разного цвета – желтым и зеленым.

В этот момент пришло новое сообщение от Гу Цинчэня.

Медицинский отдел очищения – Гу Цинчэнь:

[Воспитатель Су, лечение детенышей №2 и №4 завершено. Пожалуйста, завтра в десять часов утра прибудьте в медицинский отдел очищения, чтобы забрать их обратно в приют.]

Су Цы вспомнил, что когда днем забирали №2 и №4, сотрудники медицинского отдела действительно говорили ему об этом.

Су Цы: [Хорошо]

Тем временем в медицинском отделе очищения.

Гу Цинчэнь посмотрел на ответ Су Цы. Видя, что тот, похоже, не собирается ничего спрашивать, он невольно погладил себя по подбородку и открыл тот самый маленький групповой чат, который только что закрыл.

Гу Цинчэнь: [В приюте, похоже, все спокойно]

Стоило ему подать голос, как и без того оживленный чат снова запестрел новыми сообщениями.

Младший Ши: [Откуда старина Гу знает? Я слышал, там сработала сигнализация, капитан Янь даже водил туда людей на проверку]

Старина Чэнь: [Если бы была реальная опасность, сейчас бы уже по всей базе были сирены. Раз все тихо, значит, ничего не случилось, не пугайте сами себя, молодежь]

Гу Цинчэнь скривил губы. Это происшествие случилось ночью, как раз перед тем, как большинство людей собиралось спать, так что нервы у всех были на пределе, и беспокойство людей было вполне объяснимо.

Однако...

Раз ИИ базы оповестил только оперативный отдел, а этот новый воспитатель ведет себя так невозмутимо, значит, серьезных проблем, скорее всего, нет.

Только Гу Цинчэнь об этом подумал, как в окне диалога с воспитателем Су появилось новое сообщение. У него екнуло сердце.

Неужели все-таки что-то случилось?

Открыв сообщение, он увидел следующий вопрос: [Врач Гу, вы не знаете, где можно достать удобрения?]

Гу Цинчэнь опешил. Он еще никогда не сталкивался с подобными вопросами, тем более от новичка-воспитателя.

Этот Су Цы... он ведь уже должен был контактировать с детенышами, верно?

Разве он не в панике после того, как в первый же день столкнулся с приступом ярости у детеныша? Хотя в этот раз драка была несерьезной, поговаривали, что столовая приюта сильно пострадала.

Он только что видел, как ремонтная бригада жаловалась в чате, что №2 теперь умеет управлять огнем, и в будущем их работа станет еще сложнее.

И к тому же... судя по обсуждениям ремонтников, у этого воспитателя, кажется, довольно слабое телосложение?

В голове Гу Цинчэня роились вопросы один за другим, но он все же хладнокровно ответил: [Воспитатель Су, зачем вам удобрения?]

Су Цы медленно ответил: [Для цветов]

Гу Цинчэнь: - ...

У этого воспитателя, оказывается, довольно изысканные хобби... Но неужели он до сих пор не понял, в каком положении находится Тюремная звезда?

Ему оставалось лишь напечатать ответ: [На Тюремной звезде особые условия, здесь ничего нельзя вырастить.]

<http://bllate.org/book/18549/1811050>